

¹⁵ *Иванов Вяч.* Собр. соч. / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Т. IV. Bruxelles, 1987. С. 662.

¹⁶ Там же. С. 660–661.

¹⁷ Там же. С. 666.

¹⁸ Там же. С. 668–669.

¹⁹ Там же. С. 670–671.

²⁰ Там же. С. 671.

²¹ *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 401–402.

Европеизм и панславизм – два направления в русской научно-исторической публицистике периода Первой мировой войны*

Отличительной чертой Первой мировой войны стало острое идеологическое противостояние между воюющими державами, а также активная пропаганда внутри самих стран, направленная на активизацию патриотических настроений. Исследователи видят в Первой мировой прообраз «тотальной войны», в которой идеологические баталии приобретают не меньшее значение, чем собственно военные сражения¹.

Не остались в стороне и профессиональные историки, которые оказались втянутыми в так называемую мобилизацию интеллекта², став активными участниками публицистических споров, пытаясь представить историческую перспективу текущих военных событий, исторически обосновать претензии своих стран. Такие известные российские историки, как Ю.В. Готье, А.А. Корнилов, М.К. Любавский, Е.В. Тарле, Б.И. Сыромятников, М.И. Ростовцев и др., активно занимались публицистической деятельностью, читали лекции перед самой разнообразной аудиторией, стремясь поддержать свою страну в военные годы. Они профессионально развернули так называемую пропаганду прошлым, т. е. активное применение знаний о прошлом, исторических образов и аналогий и т. д. для идеологического противостояния в войне. При этом Первая мировая война стала насыщенным фоном для историософской рефлексии представителей русской интеллектуальной элиты. Заметим, что период мировой войны вообще характеризовался подъемом прежде всего философско-исторической мысли³. В статьях, лекционных курсах, публицистике проводились историче-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (проект № МК-2627.2013.6).

ские параллели с происходящими событиями, пытались вписать войну в широкий историософский контекст. Война представлялась как столкновение народов-титанов⁴.

Патриотическая эйфория первых месяцев войны привела к тому, что значительная часть отечественной интеллигенции сыграла важную роль в развернувшейся пропаганде. Заметное влияние здесь имела так называемая доктрина «либерального патриотизма», наиболее полно сформулированная партией кадетов. Она включала «идею так называемого “внутреннего мира”, то есть примирения с правительством ради победы, совместного с властью противостояния революции, обоснование русского империализма как “освободительного” для славянских народов и Европы, но одновременно и идею о том, что война должна способствовать внутренним реформам, залогом чему должен быть союз с демократическими нациями»⁵. Благодаря особой популярности кадетов среди отечественной интеллигенции данная доктрина получила широкое распространение.

Российские историки (Ю.В. Готье, М.И. Ростовцев, Р.Ю. Виппер, М.М. Богословский и мн. др.), так же как их коллеги из других европейских стран, своим научным авторитетом старались мобилизовать нацию на борьбу. Работали они преимущественно в жанре научно-исторической публицистики. Его особенность заключалась в том, что публицистические по своему характеру сочинения сопровождалась развернутой научной аргументацией, а огромный научный авторитет их авторов придавал рассуждениям и выводам особую солидность и наукообразность. Существовала и иная форма научно-исторической публицистики: в научные монографии и лекционные курсы включались рассуждения и оценки, носящие ярко выраженный публицистический характер и исходящие из «злобы дня».

«Пропаганда прошлым» развернулась и в центрально-европейских державах. Так, знаменитый на всю Европу немецкий историк античности Э. Мейер проводил следующие исторические параллели: Германию он рассматривал как наследницу Римской империи, Англию как современный Карфаген, который «должен быть разрушен», Россию как деспотическую Персию. Таким обра-

зом, Германия представлялась борцом за римскую, европейскую цивилизацию. Попутно заметим, что все воюющие стороны стремились изобразить себя борцами за цивилизационные основы Европы. Российские историки не могли оставаться в стороне от интеллектуальной борьбы, приготовив «симметричный ответ». В России даже вышел специальный сборник «Россия и ее союзники в борьбе за цивилизацию» (М., 1916).

В научно-исторической публицистике, помимо прочих, можно выделить два направления: Европеизм и панславизм. Международный военный конфликт поставил на повестку дня извечные вопросы русской общественно-политической мысли о месте России в европейской цивилизации и ее особой роли среди славянских народов.

Начнем с панславистского направления. В российском обществе панславизм подогревался антигерманскими и антиавстрийскими настроениями. Накануне мировой войны славянофильские идеи имели хождение среди части русской интеллектуальной элиты. С.Н. Булгаков в 1911 г. писал: «Нам приходится стоять перед лицом мощной западной культуры в полном ее расцвете... Пред нами опять стоит антиномия славянофильства и западничества, в новой лишь ее постановке». Поэтому «русская тревога за нашу культуру не должна ослабевать в это трудное и ответственное время, когда задачи так огромны, культурные силы так разрозненны и слабы, а национальное самосознание так придавлено»⁶. Таким образом, война стала лишь катализатором роста славянофильских и панславистских настроений. Наиболее ярко их выразил философ В.Ф. Эрн в своей программной статье «Время славянофильствует»⁷. С началом войны в официозной брошюре писалось: «Миролюбивая, Святая Русь встала на защиту славянства против посягательства германцев»⁸. Впрочем, броская метафора не вполне отражала настроения большинства интеллектуалов. Многие не являлись славянофилами в классическом понимании, а были лишь поборниками славянского единства перед лицом германской угрозы.

В годы Первой мировой войны можно было наблюдать настоящий ренессанс панславистских идей. Накануне войны

тема славянской солидарности играла заметную роль. Например, в июне 1914 г. лидер партии младочехов К. Крамарж разработал проект Устава славянской империи, предполагавший после поражения Австро-Венгрии в войне с Россией создание под эгидой русского императора системы славянских королевств, объединенных федеративными отношениями, общим таможенным союзом, но независимых во внутренних делах⁹. Подобные идеи находили отклик в определенных кругах русского правительства, хотя последнее и вынуждено было считаться с реальным положением дел. Славянская карта эффективно разыгрывалась во время военных действий против центральноевропейских держав. Так, в начале Первой мировой войны было объявлено, что царское правительство намеревается восстановить единую Польшу с предоставлением ей свободы вероисповедания, языка и самоуправления на правах автономии в составе Российской империи.

Панславистские идеи нередко тесно переплетались с культом империализма. Любопытны рассуждения известного экономиста, историка и общественно-политического деятеля, отражавшего либерально-консервативные идеалы, П.Б. Струве. Он писал: «Война 1914 г. призвана довести до конца внешнее расширение Российской империи, осуществив ее имперские задачи и ее славянское призвание...» Более того, именно победа, по его мнению, укрепит тот правовой порядок, который установился с 17 октября 1905 г.¹⁰ В размышлениях Струве тесно переплетаются западные по сути идеи правового государства и метафизическая идея Святой Руси, построенной на «правде».

Представители панславистского течения среди историков рассматривали текущий мировой военный конфликт как продолжение извечной борьбы славянства и германцев. С их точки зрения, в случае поражения Россию и другие славянские страны ждет духовное порабощение. М.К. Любавский, ректор Московского университета, в докладе о деятельности университета по государственной обороне привел следующую историческую аналогию: в случае поражения от Германии Россия попадет в зависимость хуже, чем при татарах¹¹. Доклад получил одобрение университетского ученого совета. Вообще, аналогия между Германией начала

века и монгольскими завоевателями стала чрезвычайно популярной. Например, известный мыслитель С. Франк, анализируя духовные основы германского милитаризма, подчеркнул, что в немцах тесно переплелись высокая научная культура и низкая, варварская мораль. Исходя из этого, он назвал Германию «Чингисханом с телеграфом»¹².

М.К. Любавский активно публиковал статьи, освещавшие героические страницы русской истории, нарочито придавая им публицистическую форму¹³. Центральной проблемой в его трудах стала история взаимоотношения славян и германцев. Исходя из собственных панславистских симпатий, Любавский стремился показать, что борьба славян с германской агрессией имеет глубокие исторические корни. Он утверждал, что у славян всегда было два врага: туранство и германство. Первый враг в лице Османской империи ослаб, а вот Германия – страшная угроза. Борьба с Германией виделась ученому как исторический долг России – «славянского колосса»: «Необходимо так или иначе проследить развитие этой драмы для того, чтобы надлежащим образом понять смысл и значение происходящих ныне событий, почувствовать всю тяжесть задач, возлагаемых ныне на Россию, всю ответственность нашу перед потомством»¹⁴. Именно Россия, «столп и утверждение славян», должна помочь славянам одолеть врага, который угрожает самому их существованию. В речи перед учениками Медведковской гимназии, прозвучавшей в тяжелые для русской армии месяцы 1915 г., он в самых черных красках нарисовал будущее России в случае поражения: «Знайте, господа, что это новое иго во сто крат будут тяжелее прежнего ига, татарского. Татарин только грабил имущество русского человека, но оставлял в покое его душу; тевтон стремился пожрать не только материальное благосостояние других народов, но и их духовную индивидуальность»¹⁵.

Многие историки, в целом не придерживавшиеся славянофильских взглядов, тем не менее, обыгрывали в своих работах сюжеты и идеи близкие к панславистским. Так, известный либеральный историк и член партии кадетов А.А. Корнилов выпустил книгу «Русская политика в Польше со времен разделов и до начала XX в.» (Пг., 1915), в которой в очень смягченном виде по-

казывал царскую политику в Польше и указывал, что новая эра в русско-польских отношениях началась с воззвания великого князя Николая Николаевича, в котором было объявлено, что царское правительство намеревается восстановить единую Польшу с предоставлением ей свободы вероисповедания, языка и самоуправления на правах автономии в составе Российской империи. Справедливости ради необходимо указать, что подобные конъюнктурные шаги вызвали негативную реакцию у некоторых историков из левого фланга либерального лагеря. 13 марта 1915 г. Е.В. Тарле писал редактору «Голоса минувшего» С.П. Мельгунову: «Я смотрю (или смотрел) на “Голос минувшего” как трезвый и беспристрастный орган, где можно указать этой слащавой мямле Корнилову, что 1) не следует фактически врать и 2) не следует подделывать историю под фасон воззвания Верховного Главнокомандующего, как бы это воззвание само по себе ни нравилось историку»¹⁶.

Знаменитый русский медиевист П.Г. Виноградов, по политическим мотивам покинувший Россию в начале XX в. и живший в Англии, также в своих публикациях отразил панславистскую атмосферу времени. Он писал в «Таймс»: «Славяне должны иметь свой шанс мировой истории, и время их возмужания ознаменует новый этап в развитии цивилизации»¹⁷. Правда, при этом историк оставался убежденным западником, считая, что Россия должна развиваться по европейскому пути.

Популярная идеологема о борьбе германства и славянства и особой миссии славянских народов в мировой войне привела к тому, что серьезно рассматривались проекты создания кафедр истории славян на историко-филологических факультетах¹⁸. Нужно отметить, что панславизм не оформился в годы Первой мировой войны в стройную идеологическую доктрину. Зачастую панславистские симпатии являлись лишь проявлением солидарности (в первую очередь по отношению к Сербии и Черногории) к славянским народам и антипатии к империи Габсбургов.

С иных позиций, нежели М.К. Любавский, выступали Е.В. Тарле и М.И. Ростовцев. Они придерживались не славянофильского мировоззрения, а были европейцами. С позиций европейских ценностей они и анализировали сложившуюся си-

туацию. Е.В. Тарле выпустил несколько статей, в которых проследивал складывание воюющих блоков. Все они были пронизаны антантофильскими настроениями. В то же время историк изображал войну как борьбу политических и экономических интересов, избегая излишней идеализации стран Антанты¹⁹. М.И. Ростовцев утверждал, что главенствующей тенденцией во всемирном историческом развитии является переход от «мировой монархии» к национальным государствам. Памятуя о популярной среди немцев аналогии: рейх – это новая Римская империя, он стремился доказать, что такая государственная форма, основанная на универсалистских устремлениях, обречена на гибель. В «мировых монархиях» господствует абсолютизм, в то время как современные нации жаждут свободы. Из античности они восприняли не идею империи, а идею гражданственности. Наиболее яркими примерами таких наций он называет Италию, Англию и Францию, т. е. страны Антанты. «В хвосте идет Германия, с трудом прививающая себе основы античной гражданственности и культуры, врагом и разрушителем которой она всегда была, как была она всегда и носительницей идеала возобновления мирового государства, идеала, всегда разбивавшегося о крепнущее национальное самосознание народов Европы»²⁰. Так же как и Германия, по мнению ученого, отстает и Россия. Ее задача – встать в ряд с передовыми национальными государствами Европы. Здесь, очевидно, проявились надежды значительной части интеллигенции на то, что союз России с демократиями Запада способствует либеральной эволюции российского политического режима.

Таким образом, мировая война привела к активизации двух традиционных течений русской общественно-политической мысли. Часто идеи европеизма и панславизма вполне мирно уживались, даже переплетались. Но необходимо отметить важную подоплеку спора. Если панслависты часто апеллировали к идеалу славянской империи, то европеисты по преимуществу отстаивали идеал национального государства европейского типа (пусть и с сохранением имперской сущности). В этом проявилась борьба двух проектов дальнейшего пути развития Российской империи и ее места в мире. С одной стороны, сохранение многонациональной

империи реликтового типа, которая еще более усложнится с присоединением других славянских народов, с другой – эволюция в сторону европейского национального государства.

¹ Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войны. М., 2012. С. 51–52.

² Дмитриев А. Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: Образованный человек в социальных представлениях и действительности. М.: ИВИ РАН, 2001. С. 296–335; Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны»: Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности // Вопросы естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108–127.

³ Носков В.В. Первая мировая война и русская философия истории // Проблемы всемирной истории: Сб. ст. в честь А.А. Фурсенко. СПб., 2000. С. 82–92.

⁴ Гримм Э.Д. Борьба народов // Вопросы мировой войны / Под. ред. М.И. Туган-Барановского. Пг., 1915. С. 1–19.

⁵ Ростовцев Е.А. Университет столичного города (1905–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2011. С. 303. См. также: Шелохаев В.В. Разработка кадетами национального вопроса в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 355–366.

⁶ Цит. по: Носков В.В. Первая мировая война и русская философия истории // Проблемы всемирной истории: Сб. ст. в честь А.А. Фурсенко. СПб., 2000. С. 83.

⁷ Эрн В.Ф. Время славянофильствует: Война, Германия, Европа и Россия // Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991.

⁸ Великая война 1914 года. Пг., 1914. С. 4.

⁹ Мировые войны XX века. Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 228.

¹⁰ Струве П.Б. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12. С. 177.

¹¹ Там же. С. 73.

¹² Франк С. О духовной сущности Германии // Русская мысль. 1915. № 10. С. 1–18.

¹³ Сидоров А.В., Старостин Е.В. Матвей Кузьмич Любавский // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 371.

¹⁴ Любавский М.К. Исторические судьбы славянства // Экскурсионный вестник. 1914. № 3. С. 5.

¹⁵ Любавский М.К. О значении переживаемого ныне исторического момента // Экскурсионный вестник. 1915. № 3. С. 9.

¹⁶ Каганович Б.С. К традиции «либерального империализма» в России: Е.В. Тарле и вопросы внешней политики // Исторические записки. М., 2001. Вып. 4 (122). С. 319.

¹⁷ Цит. по: «Путь приобщения к европейской культуре». Статья П.Г. Виноградова / Публ. А.В. Антощенко // Исторический архив. 1997. № 1. С. 199.

¹⁸ Ростовцев Е.А. Испытание патриотизмом: Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. 2009. Вып. 29. С. 318.

¹⁹ Каганович Б.С. Е.В. Тарле и петербургская школа. СПб, 1995. С. 21.

²⁰ Ростовцев М. Национальное и мировое государство // Русская мысль. 1915. № 10. С. 31.